

Научно-исследовательский журнал «*International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии*»
<https://ijmp.ru>
2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)
УДК 159.9:39

¹Реунов Ю.С.,

¹Центр египтологических исследований Российской академии наук

Этнопсихологические особенности картины мира в традиционных культурах

Аннотация: в статье представлены результаты комплексного исследования этнопсихологических особенностей формирования и функционирования картины мира в традиционных культурах. Основная цель исследования состоит в разработке интегративной структурно-функциональной модели, объясняющей механизмы сохранения и трансформации сознания представителей традиционных культур в условиях глобализации. В работе последовательно решаются следующие задачи: анализ структурных компонентов картины мира (архетипов, аксиологем, мифологем) и их функционального взаимодействия; изучение роли идеологемы как системообразующего элемента, интегрирующего символические и ценностные аспекты традиционного сознания; выявление адаптационных механизмов традиционных обществ к современным социокультурным вызовам; оценка влияния глобализации на процессы деконтекстуализации культурных форм при сохранении их глубинного символического значения. Методологическую основу исследования составляют сравнительный анализ, системный подход и междисциплинарный синтез достижений этнопсихологии, культурной антропологии и когнитивной психологии. Особое внимание уделяется разработке оригинальной многоуровневой модели, учитывающей как универсальные закономерности функционирования традиционного сознания, так и культурно-специфические особенности различных этнических сообществ. Результаты исследования обладают значительным практическим потенциалом и могут быть применены: при разработке государственных программ сохранения нематериального культурного наследия; в создании образовательных программ по межкультурной коммуникации; в психолого-педагогическом сопровождении адаптации представителей традиционных культур; в консультативной практике работы с мигрантами; в социально-культурном проектировании и разработке этнотуристических программ. Предложенная модель открывает новые перспективы для дальнейших сравнительных исследований в области этнопсихологии и культурной антропологии, а также может служить методологической основой для прикладных разработок в сфере межэтнического взаимодействия и культурной политики.

Ключевые слова: этнопсихология, картина мира, традиционная культура, архетипы, идеологемы, мифологемы, глобализация, культурный код, этническое сознание

Для цитирования: Реунов Ю.С. Этнопсихологические особенности картины мира в традиционных культурах // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 7. С. 296 – 307.

Поступила в редакцию: 25 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 23 августа 2025 г.; Принята к публикации: 17 октября 2025 г.

¹Reunov Yu.S.,

¹Centre for Egyptological Studies of the Russian Academy of Sciences

Ethnopsychological features of the worldview in traditional cultures

Abstract: this article is a comprehensive study of the ethnopsychological features of the formation and functioning of the picture of the world in traditional cultures. The author's concept considers the picture of the world as a complex multi-level system, including three interconnected structural components: archetypes as the deep foundations of the collective unconscious, axiologemes as value-normative constructs and mythologemes as narrative models of worldview. These elements form a stable system that performs the most important adaptive, value-

normative and meaning-forming functions in traditional societies. The central place in the study is occupied by the analysis of the ideologeme as a system-forming element of traditional consciousness, integrating ideological, symbolic and cultural aspects. The author conducts a critical review of the main theoretical approaches to the study of the picture of the world, including modern achievements of ethnopsychology, methodological developments of cognitive anthropology and the conceptual apparatus of depth psychology. On this basis, an original structural and functional model of the worldview in traditional societies has been developed, taking into account both universal patterns and culturally specific features. The empirical part of the study demonstrates the transformation processes occurring with traditional models of worldview under the influence of globalization. Particular attention is paid to the analysis of the paradoxical combination of decontextualization of cultural forms with the preservation of their deep symbolic meaning. The work examines in detail the mechanisms of cultural stability and adaptation strategies of traditional societies in the context of rapid socio-cultural changes. The research results have significant practical potential and can be applied: in the development of state programs for the preservation of intangible cultural heritage; in the creation of educational programs for intercultural communication; in psychological and pedagogical support for the adaptation of representatives of traditional cultures; in the consultative practice of working with migrants; in socio-cultural design and the development of ethnotouristic programs. The proposed model opens up new prospects for further comparative research in the field of ethnopsychology and cultural anthropology, and can also serve as a methodological basis for applied developments in the field of interethnic interaction and cultural policy.

Keywords: ethnopsychology, picture of the world, traditional culture, archetypes, ideologemes, mythologemes, globalization, cultural code, ethnic consciousness

For citation: Reunov Yu.S. Ethnopsychological features of the worldview in traditional cultures. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (7). P. 296 – 307.

The article was submitted: June 25, 2025; Approved after reviewing: August 23, 2025; Accepted for publication: October 17, 2025

Введение

Современные процессы глобализации, характеризующиеся интернационализацией, информатизацией и культурной трансформацией, оказывают значительное влияние на традиционные общества [12; 13; 38, р. 18-22]. Это приводит к переосмыслению этнических констант, изменению культурных кодов и модификации картины мира, формируемой в рамках традиционных культур. Несмотря на возрастающий интерес к этнopsихологическим исследованиям [43, 44], феномен картины мира в традиционных обществах остается недостаточно изученным в рамках социально-психологического знания. Большинство существующих работ сосредоточено на когнитивно-антропологических и лингвистических аспектах, тогда как структурно-психологический анализ данного феномена требует дальнейшей разработки [20].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмыслиения трансформаций этнической картины мира в условиях современных социокультурных изменений. Традиционные культуры, сохраняющие архаичные элементы мировосприятия, представляют особый интерес для понимания механизмов устойчивости и адаптации коллективного сознания [15, 18]. Кроме того, анализ структурных компонентов картины мира (включая архетипические образования, аксиологические конструкты и мифологические презентации) представляет методологическую основу для выявления

как универсальных, так и культурно-специфических характеристик этнopsихологических моделей.

Цель настоящего исследования заключается в системном анализе этнopsихологических детерминант картины мира традиционных культур с акцентом на ее ключевые структурные элементы: идеологические конструкты, архетипические паттерны и мифологические нарративы. Для достижения поставленной цели решаются следующие исследовательские задачи: во-первых, выполнить критический анализ существующих теоретико-методологических подходов к изучению феномена картины мира – в этнopsихологии и смежных дисциплинах; во-вторых, определить структуру и функции ключевых элементов картины мира в традиционных культурах; в-третьих, проанализировать влияние глобализации на трансформацию традиционных моделей мировосприятия.

Материалы и методы исследований

Методологическую основу исследования составляют: концепции этнopsихологии (С.В. Лурье, В.П. Зинченко); теория архетипов К.Г. Юнга; подходы когнитивной антропологии (Р. Редфилд); анализ культурных кодов и идеологем (В.В. Зотов).

Научная новизна работы заключается в систематизации структурных уровней картины мира традиционных культур и выявлении механизмов

их трансформации под влиянием внешних факторов.

Практическая значимость исследования связана с возможностью применения его результатов в межкультурной коммуникации, образовательных программах по сохранению этнокультурного наследия, а также в совершенствовании программ адаптации мигрантов.

Таким образом, данное исследование вносит вклад в развитие этнопсихологии, предлагая комплексный анализ картины мира традиционных культур и ее динамики в современном глобализированном обществе.

Исходным методологическим положением исследования выступает междисциплинарный статус категории «картина мира», что обуславливает сложность ее однозначной концептуализации. Особую проблематичность приобретает вопрос терминологического разграничения применительно к этническим исследованиям, где данное понятие требует четкой операционализации.

Результаты и обсуждения

В современной научной традиции наблюдается тенденция к семантической конвергенции понятий «картина мира» и «образ мира», что представляется методологически неоправданным. Е.Ю. Артемьева в своей концептуальной модели предлагает их принципиальное различие, рассматривая образ мира как интегративную систему, выполняющую регулирующую функцию в процессе взаимодействия человека с действительностью [2].

Согласно разработанной Е.Ю. Артемьевой многоуровневой модели, образ мира выступает комплексным образованием, включающим как когнитивные репрезентации объектов, так и аффективные компоненты отношения к ним. Такой подход позволяет преодолеть редукционистские трактовки и рассматривать картину мира как один из структурных уровней в системе взаимодействия субъекта с окружающей реальностью, наряду с перцептивным миром и другими компонентами.

Теоретическая ценность данного разграничения заключается в возможности дифференцированного анализа различных аспектов мировосприятия: если картина мира отражает преимущественно содержательные характеристики, то образ мира выполняет системообразующую функцию, интегрируя когнитивные и эмоционально-оценочные компоненты. Такой подход создает методологическую основу для комплексного исследования этнических особенностей мировосприятия.

Необходимо сразу заметить, что на становление концептуального знания, направленного на поиск способов (методов) изучения феномена «картины мира» в пределах этнопсихологической

науки, оказали существенное влияние немецкие ученые, основоположники «völkerpsychologie» (нем. «психологии народов») Х. Штейнтал [48, 49], М. Лацарус [32, 33] и В. Вундт [55, 56]. Несколько позже их концепция была подвергнута критике американскими специалистами, представителями антропологической школы Ф. Боасом [25, 26] и его ученица Р. Бенедикт [23, 24]. Ф. Боас рассматривал картину мира как уникальную для каждого общества (этноса) систему представлений, формулируемую триадой его языка (как основы мироздания), культуры (обусловленной индивидуальностью логики и ценностей) и исторического контекста (историческая детерминацией культурных моделей) [4]. Р. Бенедикт внесла существенный вклад в разработку теоретических основ этнического функционирования, предложив концепцию универсальных психологических характеристик, присущих всем представителям этнической общности. Она, таким образом, видела картину мира как результат взаимодействия культурных норм, психологических установок и исторического контекста, формирующего уникальную модель реальности для каждого общества (этноса) [3]. Ее основной идеей являлось существование внутрикультурного интегратора, который определяет развитие культуры в целом, а также отдельных ее элементов. Р. Бенедикт ввела понятие «этоса культуры», представляющего собой эмоционально-ценостное ее ядро [11, 14]. Притом этос культуры, что немаловажно, формируется исторически, а не биологически, и характеризуется существенными отличиями от господствовавшей в то время в науке концепции «volksgeist» (нем. «народный дух») [23, p. 46049]. Благодаря вкладу в науку Р. Бенедикт были концептуально синтезированы понятия «картина мира» и «национальный характер». Впоследствии идеи Ф. Боаса и Р. Бенедикт легли в фундамент современной культурной антропологии, со своих позиций разрабатывающей проблему «национальной картины мира» [51, p. 140-142, 1480150].

Во второй половине XX в. значительный вклад в исследование феномена картины мира внесли представители когнитивной антропологии, основателем которой был Р. Редфилд. Его концептуальная модель акцентировала изучение когнитивных структур, опосредующих процессы восприятия действительности [40]. Как отмечал сам исследователь, картина мира представляет собой «видение мироздания, характерное для того или иного народа, это представления членов общества о самих себе и о своих действиях, своей активности в мире» [11, с. 107].

Важным аспектом теории Р. Редфилда стало методологическое разграничение ключевых категорий. Ученый подчеркивал, что «картина мира» отличается от ментальности (способ мышления у М.М. Бахтина, М. Блока, Ж.-П. Вернана, А.Я. Гуревича, П.С. Гуревича, Ж. Дюби, Ж. Ле Гоффа, Ю.М. Лотмана, А.П. Огурцова, А.С. Панарина, В.А. Шкуратова, Л. Февра и др.) тем, что, будучи целостной системой представлений о реальности, обязательно включает космологию, ценности и нормы, а также разделение явлений на сакральное и профанное [42, р. 85-87; 28, р. 126-129].

Особое значение в его работах получило различие между: этосом культуры, национальным характером и собственно картиной мира, где последняя, по его утверждению, характеризует именно взгляд субъекта культуры на внешний мир [42, р. 48-55]. Такой подход позволил по-новому осмысливать когнитивные основания традиционных культур, сохранив при этом важнейшие элементы их мировоззренческих систем.

Проведенный анализ научного наследия Р. Редфилда выявляет ключевые положения его теории культурной динамики. Исследователь утверждал, что процесс накопления знаний в обществе представляет собой диалектическое взаимодействие между унаследованным опытом (результатом межпоколенческой передачи) и новыми когнитивными элементами. Этот процесс, по его мнению, формирует целостную систему ответов на «извечные вопросы бытия» и осуществляет постепенную трансформацию культурного «кода» этноса в исторической перспективе.

Центральное место в концепции Р. Редфилда занимает тезис об уникальности каждой формирующейся этнической картины мира. По его мнению, всякая культура содержит внутри себя несколько традиций. Ученый выделяет отдельно «малую традицию», которую формирует деревенская община, а также «большую традицию», создаваемую на основе храмов и школ. Это положение находит подтверждение в его анализе структуры традиционных обществ.

Особый интерес представляет разработанная Р. Редфилдом концепция «народного общества» – социальной формации, предшествующей урбанизации. Как он подчеркивал, первыми «народными обществами», вступившими в контакт с городской цивилизацией, стали «крестьянские» сообщества, сохраняющие аутентичные традиционные черты [16]. Для этих обществ характерен особый «стиль жизни», система ценностей и специфические этнические константы, демонстрирующие удивительное сходство в различных регионах мира.

При этом Р. Редфилд особо акцентировал внимание на том, что в каждом из них преобладает индивидуальная мировоззренческая модель, а по сути – уникальная картина мира [41, р. 132-135, 352-358]. В разработанной им теоретической системе можно выделить несколько фундаментальных положений, имеющих принципиальное значение для понимания этнокультурной динамики. Центральное место занимает динамическая модель культурного знания, рассматривающая процессы трансформации и преемственности в системах традиционных представлений.

Особую научную ценность представляет предложенное исследователем разграничение между «малой» и «большой» традициями, отражающее сложную стратификацию культурного пространства. Не менее значимой является концепция «народного общества», раскрывающая специфику дегородских социальных форм и их трансформацию в условиях модернизации.

Важнейшим теоретическим достижением Редфилда стало осмысление диалектики универсального и уникального в этнических картинах мира. Этот концептуальный подход позволяет анализировать как общие закономерности культурного развития, так и специфические особенности мировосприятия отдельных этнических сообществ, создавая целостную методологическую основу для сравнительных культурных исследований.

Данные теоретические положения сохраняют свою актуальность для современной антропологии и этнопсихологии, предлагая продуктивную аналитическую схему для изучения традиционных культур в условиях глобализационных процессов.

Теоретические положения Р. Редфилда нашли свое развитие и оригинальную интерпретацию в работах российского этнопсихолога С.В. Лурье [36, р. 45, 67-73, 112-120; 37, с. 78]. Центральным в ее концепции стало понимание этнической картины мира как «особым образом структурированного представления о мироздании, характерное для членов того или иного этноса, которое, с одной стороны, имеет адаптивную функцию, а с другой – воплощает в себе ценностные доминанты, присущие культуре данного народа» [11, с. 59].

С.В. Лурье разработала комплексную модель структуры этнической картины мира, включающую три взаимосвязанных компонента. Первый – «центральная зона культуры», ядро этнического мировосприятия, содержащее этнические константы как психологические механизмы преодоления экзистенциальных угроз и базовые адаптационно-деятельностные модели. Второй – защитная система, сохраняющая посредством ритуалов и норм поведения уникальность культуры. Третий – ком-

плекс культурных представлений, включающий этнические традиции [36, р. 67-89].

Особое значение в концепции С. В. Лурье занимает анализ сознательного уровня этнической картины мира, представленного традиционным сознанием (менталитетом) этноса [37, р. 48-50]. Как отмечает исследовательница, именно этот уровень обеспечивает адаптацию к условиям среды, опосредует связь между картиной мира и традицией [35].

Структурно-функциональная модель С.В. Лурье позволила систематизировать компоненты этнического мировосприятия, выявить механизмы культурной преемственности и определить адаптационный потенциал традиционных обществ. Ее теоретические построения представляют значительный интерес для современной этнопсихологии, предлагая продуктивную методологию анализа устойчивости и трансформации этнических картин мира в условиях глобализации.

Значительный вклад в разработку проблемы картины мира внесла структурная модель сознания, предложенная В.П. Зинченко [58, р. 50-52]. Развивая идеи А.Н. Леонтьева о целостной природе образа мира как системы значений [34, р. 251-260], ученый обосновал двухуровневую организацию сознания. В его концепции бытийно-деятельностный уровень (сознание для бытия) интегрирует биодинамические характеристики действия и чувственные компоненты образа, тогда как рефлексивно-созерцательный уровень (сознание для сознания) объединяет знаковые системы и смысловые структуры [6].

Данная модель приобретает особую значимость при анализе этнопсихологических аспектов картины мира. Она позволяет рассматривать коллективное сознание этнических и национальных сообществ как сложноорганизованную систему, состоящую из устойчивых ментальных образований – идеологем. Как свидетельствуют исследования, именно эти базовые единицы сознания детерминируют специфику формирования мировосприятия в различных культурных традициях, включая традиционные общества [59, р. 18-22].

Теоретическая ценность модели В. П. Зинченко заключается в ее эвристическом потенциале для изучения механизмов культурной передачи. Она предоставляет методологический инструментарий для анализа взаимосвязи между индивидуальными и коллективными формами сознания в процессе становления и развития этнических картин мира, открывая новые перспективы для сравнительных культурных исследований.

Далее необходимо обратиться к феномену идеологемы. Идеологема представляет собой эле-

мент сознания (ментальную единицу), который заключает в себе идеологический компонент и характеризуется разнообразием способов его представления [5, с. 27]. Можно сказать, что идеологема представляет собой мировоззренческую «призму», сформированную на определенном этапе онтогенеза конкретного общества (этноса) как носителя традиционной культуры [61, с. 215]. У каждого «народного общества», в том числе, «крестьянского», свой онтогенез, характерные свойства которого были заложены на этапе зарождения общества [57, р. 118]. Он отражает «идеальную» систему ценностей, знаний и норм, в совокупности исполняющих роль фильтра в отношении принятия решения о необходимости реконструкции всей структуры «картины мира», изменения ее ценностных доминант [60, р. 118].

В. В. Зотов в своих работах помещает термин «идеологема» в единый концептуальный ряд с такими фундаментальными категориями, как архетип, стереотип и прототип, объединяя их через общее родовое понятие «информационный образ» картины мира [62, р. 49; 63, р. 215]. Центральный элемент этой системы отличается значительной устойчивостью и долговременностью существования, представляя собой комплекс базовых символовических образований архетипической природы. Как подчеркивает сам исследователь, «базовые символы и архетипы семьи всегда конкретны и всегда немногочисленны: ребенок, мать, отец – это потом уже на них вырастает целая культура» [7, с. 199].

Разработанная В. В. Зотовым концепция информационных образов позволяет проследить взаимосвязь между глубинными структурами колективного сознания и их конкретными культурными воплощениями, открывая новые перспективы для исследования динамики традиционных картин мира в условиях современных социокультурных трансформаций.

Институциональный анализ позволяет рассматривать семью как важнейший культурный символ, обладающий архетипическими характеристиками. С.С. Анисина, опираясь на методологические подходы В. Дильтея и Г.-Г. Гадамера, предлагает двухаспектное изучение этого феномена: с одной стороны, через формы проявления семейной жизни в конкретном историко-культурном контексте, с другой – через анализ смыслов и значений, приписываемых семье в данной культуре [1, с. 6-7].

Этот теоретический подход согласуется с базовым определением культуры, предложенным Р. Редфилдом, согласно которому она состоит из тех «обыденных пониманий, проявляющихся в актах и артефактах, которые характеризуют общества»

[40, р. 40]. Таким образом, идеологема предстает как сложное структурное образование, соединяющее в себе устойчивые архетипические основания с конкретными культурно-историческими проявлениями, что делает ее важным инструментом для анализа механизмов сохранения и трансляции культурных смыслов.

Исследование этнопсихологических аспектов картины мира требует обращения к фундаментальным положениям глубинной психологии, в частности, к анализу архетипических структур. В классической психологической традиции, восходящей к работам К.Г. Юнга, архетип (от греч. *arche* – первоначало, *tyros* – образец) понимается как базовый структурный элемент коллективного бессознательного, представляющий собой универсальные врожденные психические паттерны. Эти глубинные образования, как отмечается в фундаментальных исследованиях, выполняют двоякую функцию: с одной стороны, они обусловливают автоматические реакции и предрасположенности, с другой – служат важнейшим инструментом психологической адаптации как отдельных индивидов, так и целых культурных сообществ к изменяющимся социальным условиям [31, р. 4, 42; 50, р. 14-16, 42, 87].

Значение архетипов для понимания культурных моделей трудно переоценить. Они выступают в качестве устойчивых когнитивно-эмоциональных матриц, опосредующих процессы восприятия, категоризации и осмысливания действительности. В контексте традиционных культур архетипические структуры проявляют себя наиболее отчетливо, находя выражение в сакральных нарративах, обрядовых практиках и системе культурных символов, которые образуют концептуальное ядро этнического мировоззрения.

Особую научную ценность архетипический подход приобретает при объяснении феномена культурной устойчивости. Будучи элементами коллективного бессознательного, архетипы обеспечивают преемственность базовых мировоззренческих схем, одновременно допуская их содержательную трансформацию в различных историко-культурных условиях. Эта диалектика постоянства и изменчивости делает архетипическую теорию исключительно продуктивной методологической основой для изучения традиционных картин мира, позволяя анализировать их как сложные динамические системы, сохраняющие идентичность при внешних изменениях. Данный концептуальный подход открывает новые перспективы для понимания механизмов культурной преемственности и трансформации, что особенно актуально в условиях современных глобализационных процессов,

ставящих перед традиционными обществами проблему сохранения культурной идентичности.

В ряде исследований архетип описывается и как носитель первоначальных ценностей коллективного бессознательного, соединенных с эмоциями человека [39, р. 16]. Таким образом, контекстуально, архетип – это традиционное культурное первоначало, заданное определенной совокупностью ценностей (ценностных доминант), которые сохраняли свою актуальность и социально-психологическую значимость в условиях смены стадий развития общества (этноса) как носителя традиционной культуры. Далее, они образовали универсальную модель коллективного бессознательного, согласно смыслам и в соответствии с нормами которой существует и развивается конкретное общество. Один из примеров этого – архетип «соборности», отсылающий к коллективизму, общинности. Вместе с тем, в зависимости от средовых факторов, в которых развивается конкретное общество, указанные «постулаты» и нормы могут быть интерпретированы. Так возникает аксиологема – реципиированная обществом система смыслов и норм поведения и отношения, обладающая абсолютной ценностью, игнорирование которой социально не одобряется [54, р. 15-18, 142; 47, р. 89-91, 112]. Это особенно наглядно прослеживается на примере традиционных культур [9].

В настоящее время абсолютной ценностью (ценностной ориентацией) для представителей традиционных культур обладают, в том числе, социальные связи и коммуникация [30, р. 97-101, 113; 53, р. 43-45, 78]. Для представителей истинно традиционной (деревенской) культуры они определяются сохранением открытости, тесной взаимосвязью между членами общества, само общение носит доверительный характер, а поведение в целом опирается на устоявшиеся нормы, нарушение которых приводит к общественному осуждению [41, р. 132-135, 187-189]. Кроме того, среди представителей традиционной культуры преобладают родственные и соседские связи, формирующие коллективное самосознание [52, р. 45-47, 72].

Впрочем, важно подчеркнуть, что ценности культуры суть не высеченные в граните безжизненные идеи – они могут в разной мере изменяться, например, под влиянием глобализации и урбанизации. Более того, в какой-то мере концепты (смыслы), составляющие тонкую ткань общественных отношений, могут быть интерпретированы и даже переосмыслены. Так, в социальные связи и коммуникацию представителей традиционной культуры могут «проникнуть» анонимность, поверхность контактов, что лишь подкрепляется многообразием культурных явлений и

высокой социальной мобильностью, характерной для современности [29, р. 21-24].

Далее целесообразно обратиться к феномену мифологемы. Когда интерпретация упомянутых выше концептов приживается в обществе (этносе) как носителе традиционной культуры, т. е. проникает в систему коллективного бессознательного, возникает этот феномен. Проявления мифологемы особенно наглядны в отношении к традициям и труду. Для традиционных обществ характерны строгое соблюдение обычая, последовательность в повторении единожды принятого порядка, схемы деятельности и отношения к ней, а также устойчивое к влияниям извне понимание (трактовка) жизненных событий. Так, разнообразные религиозные обряды и сезонные праздники сохраняются даже в условиях модернизации – порой лишь как дань традиций. К примеру, уважение к земле, ее обработке и сопутствующие этому ритуалы не исчезают даже в условиях существенно значимых перемен в жизни общества, смены общественно-политического строя [46, р. 112-115, 178-181].

Мультикультурализм и глобализация способствуют обновлению регулярно воспроизводимых культурных форм. Так, свадебные обряды могут утратить те смыслы, которые были заложены в них изначально, оставляя лишь внешнюю форму, т. е. деконтекстуализируются [21, р. 44-47, 89-92]. Религиозные практики теряют изначально этнически обусловленные черты, становятся формальными и, одновременно с этим, универсальными [22, р. 56-58, 89-91]. Символическое осмысление труда как формы социально одобряемого поведения может полностью или частично утратить существовавшую прежде связь с природой, а ценности, признаваемые и транслируемые большинством в обществе, определяются, прежде всего, социальным положением индивида и его доходом. Такова цена «современивания» культуры и стирания границ между разными ее видами.

Современное состояние исследований мифологемы характеризуется заметной асимметрией научных подходов. Доминирование филологических и лингвистических исследований привело к формированию узкоспециализированной трактовки данного феномена как образа мифологических систем, «перекочевавших в художественные тексты» [10, с. 63]. Подобная исследовательская перспектива, будучи методологически ограниченной, не позволяет раскрыть всю сложность и многомерность мифологемы как культурно-психологического явления.

В этом контексте особую значимость приобретает концепция Ю.Л. Шишовой, предлагающая принципиально иную точку зрения: «рассматрива-

емая как ментальная структура, природно-культурная составляющая человеческой психики, мифологема существует до текста и вне текста, и может актуализироваться, помимо текста, в иных формах культурной деятельности человека (в играх, обычаях, ритуалах)» [19, с. 7-8]. Такой подход позволяет преодолеть текстоцентристическую ограниченность предшествующих исследований и рассматривать мифологему как фундаментальный элемент коллективного сознания, проявляющийся в различных формах культурной практики. Теоретическая ценность данного подхода заключается в его способности интегрировать психологические, культурологические и антропологические аспекты изучения мифологемы, создавая основу для подлинно междисциплинарного анализа этого сложного феномена.

Функциональный анализ мифологемы выявляет ее поливалентную природу. В познавательном аспекте она выполняет эвристическую функцию, предлагая аналоговые модели мироустройства. Аксиологическое измерение проявляется в трансляции ключевых социокультурных ценностей, тогда как регулятивная функция находит выражение в формировании системы культурных запретов и предписаний.

И.Ю. Ильинова расширяет понимание функционального спектра, акцентируя номинативную составляющую, связанную с процессами «именования (“обживания мира”) и переименования субъектов и объектов в постоянно меняющейся когнитивной картине мира» [8, с. 187]. Особую значимость здесь приобретает мировоззренческая функция, на которую указывал М. Элиаде, рассматривавший конструирование картины мира через призму актуализации мифологем в конкретных историко-культурных контекстах [27, р. 139-142].

Р. Сигал развивает эту концепцию, трактуя мифологему как культурно-психологический конструкт, синтезирующий различные образы реальности [45, р. 72-74]. Подобный интегративный подход преодолевает ограничения узкодисциплинарных трактовок, раскрывая мифологему как фундаментальный элемент коллективного сознания и важнейший механизм культурной трансляции.

Проведенное исследование позволило выявить ключевые этнопсихологические особенности картины мира в традиционных культурах и раскрыть механизмы ее формирования и трансформации. На основе анализа теоретических подходов и структурных компонентов картины мира были сделаны следующие выводы.

Во-первых, картина мира в традиционных культурах представляет собой сложную много-

уровневую систему, включающую архетипы, аксиологемы и мифологемы. Эти элементы выполняют адаптивную, ценностно-нормативную и мировоззренческую функции, обеспечивая устойчивость культуры в условиях изменений.

Во-вторых, идеологема выступает ключевым структурным компонентом картины мира, объединяющим идеологический, ценностный и символический аспекты. Ее анализ позволяет понять, как традиционные общества кодируют и передают культурные смыслы через поколения.

В-третьих, архетипы (например, коллективизма, связи с природой) формируют основу колективного бессознательного, определяя устойчивые модели восприятия и поведения. Их изучение подтверждает универсальность некоторых элементов картины мира при сохранении этнокультурной специфики.

В-четвертых, мифологемы играют роль инструмента культурной адаптации, трансформируясь под влиянием внешних факторов (глобализации, урбанизации), но сохраняя связь с архаичными смыслами. Это особенно заметно в ритуалах, фольклоре и повседневных практиках традиционных обществ.

В-пятых, глобализация оказывает двойственное влияние на традиционные картины мира: с одной стороны, она приводит к деконтекстуализации культурных форм (например, обрядов), а с другой – актуализирует их символическое значение как маркеров идентичности.

Перспективы дальнейших исследований связаны с углубленным изучением динамики картины мира в условиях цифровизации, а также с применением междисциплинарных подходов (например, когнитивной лингвистики и нейropsихологии) для анализа ментальных структур традиционных культур.

Выходы

Проведенное исследование позволило раскрыть системный характер этнопсихологических осо-

бенностей картины мира в традиционных культурах. Анализ структурных компонентов – архетипов, аксиологем и мифологем – выявил их взаимосвязь как элементов целостного механизма культурного мировосприятия. Разработанная модель подтвердила свою научную ценность, продемонстрировав как универсальные закономерности сохранения традиций, так и уникальные адаптационные стратегии различных обществ в условиях глобализации.

Особое значение имеет обнаруженный парадокс современной культурной динамики: при внешней трансформации форм традиционной культуры их глубинная символическая основа сохраняет устойчивость. Это свидетельствует о наличии мощных механизмов психологической защиты и адаптации в традиционных картинах мира.

Теоретическая значимость исследования заключается в преодолении междисциплинарных барьеров между психологическим, антропологическим и культурологическим подходами к изучению этнического сознания. Практическая ценность работы проявляется в возможности применения ее результатов для разработки программ сохранения культурного наследия, учитывающих как традиционные ценности, так и требования современности.

Перспективными направлениями дальнейших исследований могут стать: изучение когнитивных механизмов передачи традиционных знаний, анализ влияния цифровых технологий на трансформацию этнического сознания, а также исследование новых форм актуализации архетипических структур в современной культуре.

Проведенная работа подтверждает необходимость комплексного подхода к изучению традиционных картин мира, объединяющего анализ их устойчивых оснований и динамических форм существования в условиях глобальных изменений.

Список источников

1. Анисина С.С. Социокультурные архетипы семьи и брака: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Тюмень, 2002. 17 с.
2. Артемьева Е.Ю. Психология субъективной семантики: истоки и развитие: колл. монография / Под. общ. ред. И.Б. Ханина, Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. 472 с.
3. Бенедикт Р. Модели культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательская группа «Альма Матер», 2024. 340 с.
4. Боас Ф. Раса, язык и культура / пер. с англ., под науч. ред. И.В. Кузнецова. М.: Издательская группа «Альма Матер», 2023. 676 с.
5. Гуань Цзюньбо Идеологема «национальная идея» в русской православной проповеди: лингвокультурологический аспект: в 2-х т.: дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2023. 417 с.
6. Зинченко В.П. Миры сознания и структура сознания // Вопросы психологии. 1991. № 2. С. 15 – 37.

7. Зотов В.В., Каменева Т.Н., Левин А.И. Современный образ семьи в массмедиа: к обоснованию концепта идеологема семьи // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2012. № 2 (102). С. 198 – 200.
8. Ильинова Е.Ю. Мифологема как эвристический прием интерпретации когнитивной картины мира // STUDIA LINGUISTICA. Вып. XXI. Антропоцентрическая лингвистика: проблемы и решения: сб. научных трудов. СПб.: Политехника-сервис, 2012. С. 184 – 194.
9. Кретов А.А., Стародубцева Ю.А. Русские аксиологемы по данным MACa-2 // Политическая лингвистика. 2016. № 2 (56). С. 140 – 154.
10. Левитская Н.А., Ломакина О.В. Анализ мифологем и концептов как путь к пониманию литературного произведения // Жанрологический сборник. Вып. 1. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2004. С. 62 – 66.
11. Лурье С.В. Историческая этнология: учеб. пособие для вузов. М.: Гаудеамус: Акад. Проект, 2004. 622 с.
12. Лурье С.В. Метаморфозы традиционного сознания: (Опыт разраб. теорет. основ этнопсихологии и их применения к анализу ист. и этногр. материала). СПб.: Тип. им. Котлякова, 1994. 286 с.
13. Лурье С.В. Теоретические основания этнопсихологических исследований истории культуры: автореф. дис. ... докт. культ. Москва, 1998. 32 с.
14. Мнацаканян М.О. Нации и национализм. Социология и психология национальной жизни: учеб. пособие для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 367 с.
15. Обухов А.С. Этнопсихологические вариации современных традиционных культур России // В кн. «Волковских чтений: Этнопедагогическая направленность современного образования: содержательные и технологические основы: сб. науч. тр.». Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 2014. С. 27 – 34.
16. Обухов А.С. Психология личности в контексте реалий традиционной культуры. М.: Издательство «Прометей» МПГУ, 2006. 352 с.
17. Пивторак Е.В. Символика и семантика компонентов модели мира в русской традиционной культуре: Монография. М.: Издательские решения, 2019. 157 с.
18. Товуу С.С. Этническая картина мира: теоретико-методологические аспекты // Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. 2012. № 1. С. 16 – 22.
19. Шишова Ю.Л. Лингвистическая объективация мифологемы пути в современной англоязычной литературе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2002. 14 с.
20. Яркова Е.Н. Культуроцентризм как стратегия бытия и познания // Koinon. 2020. Т. 1. № 1-2. С. 199 – 215.
21. Appadurai A. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996. 229 p.
22. Beck U. The Cosmopolitan Vision. Cambridge: Polity Press, 2006. 198 p.
23. Benedict R. Patterns of Culture. Boston: Houghton Mifflin, 1934. xiii, 290 p.
24. Benedict R. The Chrysanthemum and the Sword: Patterns of Japanese Culture. Boston: Houghton Mifflin, 1946. ix, 324 p.
25. Boas F. Race, Language and Culture. New York: Macmillan, 1940. xii, 647 p.
26. Boas F. The Mind of Primitive Man. New York: Macmillan, 1911. x, 294 p.
27. Eliade M. Myth and Reality. New York: Harper & Row, 1963. 204 p.
28. Geertz C. The Interpretation of Cultures. New York: Basic Books, 1973. 470 p.
29. Giddens A. The Consequences of Modernity. Stanford: Stanford University Press, 1990. 186 p.
30. Hofstede G., Hofstede G. J., Minkov M. Cultures and Organizations: Software of the Mind. 3rd ed. New York: McGraw-Hill, 2010. 561 p.
31. Jung C. G. The Archetypes and the Collective Unconscious (Collected Works. Vol. 9, Part 1). 2nd ed. Princeton: Princeton University Press, 1968. 451 p.
32. Lazarus M. Ueber das Verhältnis des Einzelnen zur Gesamtheit. Berlin: Dümmler, 1861. 180 p.
33. Lazarus M., Steinthal H. Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft. 1860-1890. Bd. 1-20.
34. Leontiev A. N. Problems of the Development of the Mind. Moscow: Progress Publishers, 1981. 368 p.
35. Lourié S. La conscience ethnique: mécanismes et fonctions. Paris: Éditions Anthropologiques, 2005. P. 33 – 47.
36. Lurie S. V. Historical Ethnology: The Science of the Ethnic Picture of the World. Lewiston: Edwin Mellen Press, 1998. 320 p.

37. Lurie S. W. Die ethnische Weltanschauung: Eine kulturhistorische Studie. Berlin: Verlag Dr. Köster, 2001. 210 S.
38. Martsinkovskaya T. D. Transitivity and Psychological Adaptations to Social Changes // Psychology in Russia: State of the Art. 2014. Vol. 7. No. 3. P. 13 – 24.
39. Pearson C., Marr H. What story are you living? A workbook and guide to interpreting results from the PMAI instrument. 1st ed. Gainesville: Center for Applications of Psychological Type, 2007. 163 p.
40. Redfield R. Peasant Society and Culture: An Anthropological Approach to Civilization. Chicago: University of Chicago Press, 1956. 162 p.
41. Redfield R. The Folk Culture of Yucatan. Chicago: University of Chicago Press, 1941. 416 p.
42. Redfield R. The Primitive World and Its Transformations. NY: Cornell University Press, 1953. 185 p.
43. Reunov Yu.S. "Fry the skull of a catfish in oil. Apply it to the head": on the issue of the diagnostics and treatment of conversion disorders in Ancient Egypt // Voprosy Istorii. 2023. No. 11-1. P. 20 – 31.
44. Reunov Yu.S. Battle scenes in the Nubian temple Beit el-Wali and the ancient Egyptian image of the world // Вопросы истории. 2022. № 5 (1). P. 48 – 63.
45. Segal R.A. Myth: A Very Short Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2004. 163 p.
46. Shanin T. Peasants and Peasant Societies. 2nd ed. Oxford: Blackwell Publishers, 1987. 348 p.
47. Sharifian F. Cultural Conceptualisations and Language. Amsterdam: John Benjamins, 2011. 271 p.
48. Steinthal H. Charakteristik der hauptsächlichsten Typen des Sprachbaues. Berlin: Dümmler, 1850. 210 p.
49. Steinthal H. Grammatik, Logik und Psychologie: Ihre Prinzipien und ihr Verhältnis zueinander. Berlin: Dümmler, 1855. xvi, 344 p.
50. Stevens A. Archetype Revisited: An Updated Natural History of the Self. 2nd ed. London: Brunner-Routledge, 2003. 304 p.
51. Stocking G. W. Race, Culture, and Evolution: Essays in the History of Anthropology. Chicago: University of Chicago Press, 1968. P. 133-157.
52. Tonkin E. Narrating Our Pasts: The Social Construction of Oral History. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 188 p.
53. Triandis H. C. Individualism and Collectivism. Boulder: Westview Press, 1995. 259 p.
54. Wierzbicka A. Understanding Cultures Through Their Key Words. Oxford: Oxford University Press, 1997. 317 p.
55. Wundt W. Elemente der Völkerpsychologie: Grundlinien einer psychologischen Entwicklungsgeschichte der Menschheit. Leipzig: Kröner, 1912. vii, 523 p.
56. Wundt W. Völkerpsychologie: Eine Untersuchung der Entwicklungsgesetze von Sprache, Mythus und Sitte. Leipzig: Engelmann, 1900-1920. 10 Bde.
57. Zinchenko V.P. Cultural-Historical Psychology and the Activity Theory: The Ontogenesis of Traditional Societies // Soviet Psychology. 1994. Vol. 32, No. 2. P. 23 – 45.
58. Zinchenko V.P. Levels of Consciousness: An Activity Approach // Soviet Psychology. 1989. Vol. 27. No 3. P. 45 – 62.
59. Zinchenko V.P. The Problem of the Units of Analysis in Psychology // Soviet Psychology. 1985. Vol. 23. No. 3. P. 7 – 34.
60. Zinchenko V. The Psychogenesis of Peasant Communities // Cultural Psychology: A Once and Future Discipline (ed.: Cole M.). Cambridge: Harvard University Press, 1996. P. 112 – 135.
61. Zinchenko W. Die Ontogenese der bäuerlichen Gesellschaft: kulturhistorische Analyse // Psychologische Beiträge. 1995. Bd. 37. P. 210 – 229.
62. Zotov V.V. Ideologeme as a Cultural Code Marker // Journal of Language and Cultural Education. 2020. Vol. 8. No 2. P. 45 – 63.
63. Zotow W. Ideologeme als kulturelle Informationsbilder // Zeitschrift für Slawistik. 2019. Bd. 64. P. 210 – 225.

References

1. Anisina S.S. Sociocultural archetypes of family and marriage: author's abstract. diss. ... candidate of philosophical sciences. Tyumen, 2002. 17 p.
2. Artemyeva E.Yu. Psychology of subjective semantics: origins and development: collective monograph. Under. general. ed. I.B. Khanin, D.A. Leontiev. Moscow: Smysl, 2011. 472 p.
3. Benedict R. Models of culture. 2nd ed., corrected, and enlarged. Moscow: Alma Mater Publishing Group, 2024. 340 p.
4. Boas F. Race, language and culture. translated from English, under scientific ed. I.V. Kuznetsov. M.: Alma Mater Publishing Group, 2023. 676 p.

5. Guan Junbo The Ideologem "National Idea" in Russian Orthodox Sermons: Linguocultural Aspect: in 2 volumes: Diss. ... Cand. Philological Sciences. St. Petersburg, 2023. 417 p.
6. Zinchenko V.P. Worlds of Consciousness and the Structure of Consciousness. Questions of Psychology. 1991. No. 2. P. 15 – 37.
7. Zotov V.V., Kameneva T.N., Levin A.I. The Modern Image of the Family in the Mass Media: Towards a Substantiation of the Concept of the Family Ideologeme. Scientific Notes of the Russian State Social University. 2012. No. 2 (102). P. 198 – 200.
8. Ilyinova E.Yu. Mythologem as a heuristic device for interpreting the cognitive picture of the world. STUDIA LINGUISTICA. Issue XXI. Anthropocentric linguistics: problems and solutions: collection of scientific papers. SPb.: Politekhnika-servis, 2012. P. 184 – 194.
9. Kretov A.A., Starodubtseva Yu.A. Russian axiologemes according to MAS-2 data. Political linguistics. 2016. No. 2 (56). P. 140 – 154.
10. Levitskaya N.A., Lomakina O.V. Analysis of mythologemes and concepts as a way to understanding a literary work. Genre collection. Issue 1. Yelets: ESU named after I.A. Bunin, 2004. P. 62 – 66.
11. Lurye S.V. Historical Ethnology: a textbook for universities. Moscow: Gaudeamus: Acad. Proekt, 2004. 622 p.
12. Lurye S.V. Metamorphoses of Traditional Consciousness: (Experience in Developing Theoretical Foundations of Ethnopsychology and Their Application to the Analysis of Historical and Ethnographic Material). St. Petersburg: Kotlyakov Press, 1994. 286 p.
13. Lurye S.V. Theoretical Foundations of Ethnopsychological Studies in the History of Culture: author's abstract. diss. ... doctor of culture. Moscow, 1998. 32 p.
14. Mnatsakanyan M.O. Nations and Nationalism. Sociology and Psychology of National Life: a textbook for universities. Moscow: UNITY-DANA, 2017. 367 p.
15. Obukhov A.S. Ethnopsychological variations of modern traditional cultures of Russia. In the book. "Volkov Readings: Ethnopedagogical focus of modern education: substantive and technological foundations: collection of scientific works". Yoshkar-Ola: Mari State University, 2014. P. 27 – 34.
16. Obukhov A.S. Psychology of personality in the context of the realities of traditional culture. Moscow: Prometheus Publishing House, Moscow Pedagogical State University, 2006. 352 p.
17. Pivtorak E.V. Symbolism and semantics of the components of the world model in Russian traditional culture: Monograph. Moscow: Publishing Solutions, 2019. 157 p.
18. Tovuu S.S. Ethnic picture of the world: theoretical and methodological aspects. Bulletin of the Tuva State University. Social Sciences and Humanities. 2012. No. 1. P. 16 – 22.
19. Shishova Yu.L. Linguistic objectification of the mythologem of the path in modern English-language literature: author's abstract. dis. ... Cand. Philological Sciences. St. Petersburg, 2002. 14 p.
20. Yarkova E.N. Culturcentrism as a strategy of being and cognition. Koinon. 2020. Vol. 1. No. 1-2. P. 199 – 215.
21. Appadurai A. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996. 229 p.
22. Beck U. The Cosmopolitan Vision. Cambridge: Polity Press, 2006. 198 p.
23. Benedict R. Patterns of Culture. Boston: Houghton Mifflin, 1934. xiii, 290 p.
24. Benedict R. The Chrysanthemum and the Sword: Patterns of Japanese Culture. Boston: Houghton Mifflin, 1946. ix, 324 p.
25. Boas F. Race, Language and Culture. New York: Macmillan, 1940. xii, 647 p.
26. Boas F. The Mind of Primitive Man. New York: Macmillan, 1911. x, 294 p.
27. Eliade M. Myth and Reality. New York: Harper & Row, 1963. 204 p.
28. Geertz C. The Interpretation of Cultures. New York: Basic Books, 1973. 470 p.
29. Giddens A. The Consequences of Modernity. Stanford: Stanford University Press, 1990. 186 p.
30. Hofstede G., Hofstede G. J., Minkov M. Cultures and Organizations: Software of the Mind. 3rd ed. New York: McGraw-Hill, 2010. 561 p.
31. Jung C.G. The Archetypes and the Collective Unconscious (Collected Works. Vol. 9, Part 1). 2nd ed. Princeton: Princeton University Press, 1968. 451 p.
32. Lazarus M. Ueber das Verhältnis des Einzelnen zur Gesamtheit. Berlin: Dümmler, 1861. 180 p.
33. Lazarus M., Steinthal H. Zeitschrift für Volkerpsychologie und Sprachwissenschaft. 1860-1890. Bd. 1-20.
34. Leontiev A. N. Problems of the Development of the Mind. Moscow: Progress Publishers, 1981. 368 p.

35. Lourié S. La conscience ethnique: mécanismes et fonctions. Paris: Éditions Anthropologiques, 2005. P. 33 – 47.
36. Lurie S.V. Historical Ethnology: The Science of the Ethnic Picture of the World. Lewiston: Edwin Mellen Press, 1998. 320 p.
37. Lurie S.W. Die ethnische Weltanschauung: Eine kulturhistorische Studie. Berlin: Verlag Dr. Koster, 2001. 210 S.
38. Martsinkovskaya T.D. Transitivity and Psychological Adaptations to Social Changes. Psychology in Russia: State of the Art. 2014. Vol. 7.No. 3. P. 13 – 24.
39. Pearson C., Marr H. What story are you living? A workbook and guide to interpreting results from the PMAI instrument. 1st ed. Gainesville: Center for Applications of Psychological Type, 2007. 163 p.
40. Redfield R. Peasant Society and Culture: An Anthropological Approach to Civilization. Chicago: University of Chicago Press, 1956. 162 p.
41. Redfield R. The Folk Culture of Yucatan. Chicago: University of Chicago Press, 1941. 416 p.
42. Redfield R. The Primitive World and Its Transformations. NY: Cornell University Press, 1953. 185 p.
43. Reunov Yu.S. "Fry the skull of a catfish in oil. Apply it to the head": on the issue of the diagnostics and treatment of conversion disorders in Ancient Egypt. Questions Istorii. 2023. No. 11-1. P. 20 – 31.
44. Reunov Yu.S. Battle scenes in the Nubian temple Beit el-Wali and the ancient Egyptian image of the world. Questions of history. 2022. No. 5 (1). P. 48 – 63.
45. Segal R.A. Myth: A Very Short Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2004. 163 p.
46. Shanin T. Peasants and Peasant Societies. 2nd ed. Oxford: Blackwell Publishers, 1987. 348 p.
47. Sharifian F. Cultural Conceptualisations and Language. Amsterdam: John Benjamins, 2011. 271 p.
48. Steinthal H. Charakteristik der hauptsächlichsten Typen des Sprachbaues. Berlin: Dümmler, 1850. 210 p.
49. Steinthal H. Grammatik, Logik und Psychologie: Ihre Prinzipien und ihr Verhältnis zueinander. Berlin: Dümmler, 1855. xvi, 344 p.
50. Stevens A. Archetype Revisited: An Updated Natural History of the Self. 2nd ed. London: Brunner-Routledge, 2003. 304 p.
51. Stocking G. W. Race, Culture, and Evolution: Essays in the History of Anthropology. Chicago: Uni-versity of Chicago Press, 1968. P. 133 – 157.
52. Tonkin E. Narrating Our Pasts: The Social Construction of Oral History. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 188 p.
53. Triandis H. C. Individualism and Collectivism. Boulder: Westview Press, 1995. 259 p.
54. Wierzbicka A. Understanding Cultures Through Their Key Words. Oxford: Oxford University Press, 1997. 317 p.
55. Wundt W. Elemente der Völkerpsychologie: Grundlinien einer psychologischen Entwicklungsges-chichte der Menschheit. Leipzig: Kröner, 1912. vii, 523 p.
56. Wundt W. Volkerpsychologie: Eine Untersuchung der Entwicklungsgesetze von Sprache, Mythus und Sitte. Leipzig: Engelmann, 1900-1920. 10 Bde.
57. Zinchenko V.P. Cultural-Historical Psychology and the Activity Theory: The Ontogenesis of Traditional Societies. Soviet Psychology. 1994. Vol. 32, No. 2. P. 23 – 45.
58. Zinchenko V.P. Levels of Consciousness: An Activity Approach. Soviet Psychology. 1989. Vol. 27. No. 3. P. 45 – 62.
59. Zinchenko V.P. The Problem of the Units of Analysis in Psychology. Soviet Psychology. 1985. Vol. 23.No. 3. P. 7 – 34.
60. Zinchenko V. The Psychogenesis of Peasant Communities. Cultural Psychology: A Once and Future Discipline (ed.: Cole M.). Cambridge: Harvard University Press, 1996. P. 112 – 135.
61. Zinchenko W. Die Ontogenese der bäuerlichen Gesellschaft: kulturhistorische Analysis. Psychologische Beiträge. 1995. Bd. 37. P. 210 – 229.
62. Zotov V.V. Ideologeme as a Cultural Code Marker. Journal of Language and Cultural Education. 2020. Vol. 8. No. 2. P. 45 – 63.
63. Zotow W. Ideologeme als kulturelle Informationsbilder. Zeitschrift für Slawistik. 2019. Bd. 64. P. 210 – 225.

Информация об авторе

Рейнов Ю.С., кандидат искусствоведения, Центр египтологических исследований Российской академии наук